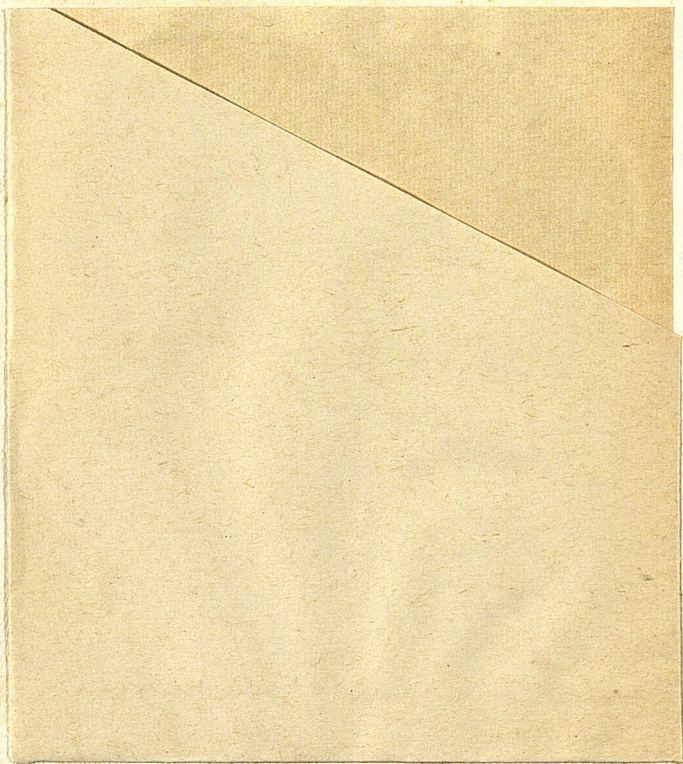

A $\frac{265}{645}$

ЦѢНА 10 КОП.

СВѢТОВЫЯ КАРТИНЫ КЪ НАСТОЯЩЕМУ ЧТЕНІЮ
(для аудиторій):

- 1) Село Спасское-Лутовиново.
- 2) Садъ въ селѣ Спасскомъ.
- 3) Петербургскій Университетъ.
- 4) П. А. Плетневъ.
- 5) А. С. Пушкинъ.
- 6) Къ разсказу «Пожаръ на морѣ».
- 7) В. Г. Бѣлинскій.
- 8) Н. В. Гоголь.
- 9) Вилла Тургенева въ Баденѣ.
- 10) Пѣвица Віардо.
- 11) Тургеневъ на смертномъ одрѣ.
- 12) Похороны Тургенева.
- 13) Надгробный памятникъ Тургеневу.
- 14) И. С. Тургеневъ.
- 15) Изъ разсказа «Хоръ и Калинычъ».
- 16) Къ разсказу «Бирюкъ».
- 17) Къ разсказу «Смерть».
- 18) Къ разсказу «Живыя мощи».

Картины эти могутъ быть пріобрѣтены у поставщиковъ Коммисіи
въ «С.-Петербургской Мастерской учебныхъ пособій и игръ»
(С.-Петербургъ, Троицкая, ул., д. № 9).

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Подъ редакціей Вс. С. Соловьева.

Издание учрежденной по Высочайшему повелѣнію Постоянной
Коммисіи народныхъ чтеній.

Съ портретомъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

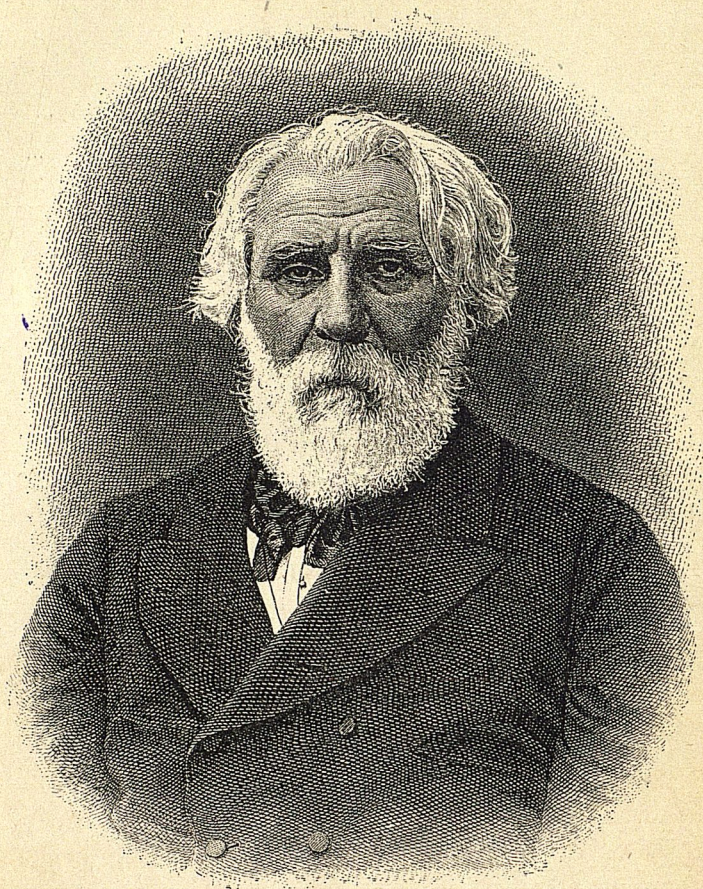
Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, Бассейная, 14.

1900.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 Марта 1900 г.

2007341300

W. B. Myer

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

I.

Среди русскихъ писателей одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ по своему таланту, мастерскому изображенію какъ людей, такъ и природы и живому, образцовому слогу занимаетъ Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Онъ родился 28-го октября 1818 года въ г. Орлѣ, гдѣ тогда стоялъ полкъ, въ которомъ служилъ отецъ будущаго писателя, Сергѣй Николаевичъ, принадлежавшій къ старинному дворянскому роду, не разъ упоминаемому въ русской исторіи. Вскорѣ послѣ рожденія сына Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ вышелъ въ отставку и поселился въ имѣніи своей жены, селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ, находящемся недалеко отъ г. Мценска, Орловской губ., гдѣ и протекло все дѣтство Ивана Сергѣевича. Тургеневы были людьми богатыми и поэтому окружили сына

всевозможными учителями и воспитателями. Но, какъ и въ большинствѣ богатыхъ помѣщичьихъ семействъ того времени, маленькаго Тургенева старались прежде всего научить иностраннымъ языкамъ—французскому и нѣмецкому, на русскій же языкъ вниманія обращалось довольно мало. Первымъ человѣкомъ, познакомившимъ Тургенева съ произведеніями русскихъ писателей и заинтересовавшимъ его русской литературой, былъ крѣпостной камердинеръ его матери, знавшій очень хорошо грамоту и страстно любившій читать стихи, главнымъ образомъ старинныхъ писателей. Чтеніе этихъ стиховъ было для мальчика настоящимъ праздникомъ. Онъ забирался куда нибудь въ глубь сада, и тамъ готовъ былъ хоть цѣлыми часами сидѣть и слушать. Вообще жизнь въ деревнѣ дала Тургеневу много такихъ впечатлѣній, которыя впослѣдствіи принесли ему, какъ писателю, большую пользу.

Какъ во всякомъ богатомъ помѣщичьемъ домѣ въ Спасскомъ была многочисленная дворня, съ которой Ивану Сергѣевичу приходилось постоянно имѣть сношенія и такимъ образомъ онъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ могъ приглядываться къ быту дворовыхъ. Немудрено поэтому, что впослѣдствіи онъ такъ хорошо зналъ и описывалъ этотъ бытъ. Въ-

стѣ съ тѣмъ, не смотря на постоянное присутствіе разныхъ учителей и гувернеровъ, Тургеневъ пользовался большою свободою и могъ сколько душѣ угодно бродить по громадному спасскому саду. Описывая этотъ садъ, Тургеневъ говоритъ: «тутъ по веснамъ пѣвали соловьи, свистали дрозды, куковали кукушки, тутъ и въ лѣтній зной стояла прохлада и я любилъ забиваться въ эту глушь и чащу, гдѣ у меня были любимыя, постоянныя мѣстечки, извѣстныя,—такъ, по крайней мѣрѣ, я воображалъ,—только мнѣ одному». Постоянныя прогулки по саду, наблюденіе за жизнью населявшихъ его насѣкомыхъ, птицъ и животныхъ мало по малу развили въ Тургеневѣ горячую любовь къ природѣ. Когда онъ выросъ, то сдѣлался страстнымъ охотникомъ и оставался имъ до самой старости. Съ ружьемъ за плечами онъ исхаживалъ и изѣзживалъ большія разстоянія и эти охотничьи прогулки, во время которыхъ ему приходилось встрѣчаться съ самыми разнообразными людьми и наблюдать природу во всѣхъ ея видахъ, также способствовали развитію въ Тургеневѣ наблюдательности и дали ему возможность такъ живо и мастерски описывать природу. Когда Тургеневу пошелъ десятый годъ, его родители переехали въ Москву, гдѣ они хотѣли помѣстить уже

подроставшихъ сыновей (у Ивана Сергѣевича было еще два брата) въ какое нибудь учебное заведеніе.

Иванъ Сергѣевичъ былъ отданъ въ частное заведеніе Краузе, гдѣ и подготовлялся къ поступленію въ университетъ. Учителя въ пансіонѣ Краузе были довольно хорошіе, особенно же добрую память оставилъ по себѣ Тургеневу учитель русскаго языка Дубенскій, на урокахъ котораго онъ познакомился съ русской литературой. Въ 1833 году, имѣя всего пятнадцать лѣтъ отъ роду, Тургеневъ поступилъ въ Московскій университетъ, но пробылъ въ немъ только годъ. Въ это время умеръ отецъ Тургенева и онъ перешелъ въ Петербургскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ. Изъ числа петербургскихъ профессоровъ наибольшее вліяніе на Тургенева имѣлъ извѣстный литераторъ Плетневъ, другъ Пушкина, Гоголя и другихъ извѣстныхъ писателей. Плетневъ умѣлъ заинтересовывать слушателей читаемымъ имъ предметомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря своему доброму сердцу и участливому вниманію къ студентамъ, достигъ того, что молодые люди смотрѣли на него какъ на близкаго, какъ бы родного имъ человѣка и охотно отдавали на его судъ свои первыя литературныя произведенія. Такъ же поступилъ и Тургеневъ,

давъ прочитать Плетневу свой первый литературный опытъ—большую драму въ стихахъ, «Стенію», о которой впослѣдствіи самъ отзывался, какъ о совершенно плохой вещи, написанной напыщеннымъ, неестественнымъ языкомъ... «Въ одну изъ слѣдующихъ лекцій, рассказываетъ Тургеневъ, Петръ Александровичъ (Плетневъ), не называя меня по имени, разобралъ съ обычнымъ своимъ добродушіемъ это совершенно нелѣпое произведеніе». Выходя послѣ этого изъ университета и увидавъ смущеннаго неуспѣхомъ своего перваго опыта Тургенева, Плетневъ подозвалъ его и, еще разъ отечески пожуривъ, замѣтилъ однако, чтобы молодой авторъ не унывалъ, такъ какъ въ немъ что-то есть, и пригласилъ бывать у себя. Ободренный Тургеневъ отнесъ Плетневу еще нѣсколько своихъ стихотвореній, тотъ выбралъ изъ нихъ два лучшихъ и черезъ годъ напечаталъ ихъ, но только безъ подписи автора, въ лучшемъ тогда журналѣ «Современникѣ». Бывая у Плетнева, Тургеневъ встрѣчалъ тамъ многихъ тогдашнихъ писателей и между прочимъ видѣлъ великаго нашего поэта Пушкина, передъ геніемъ котораго преклонялся всю свою жизнь. Посѣщая университетъ, Тургеневъ, кромѣ слушанія лекцій, занимался еще у частныхъ преподавателей и, по свидѣтельству ихъ, рабо-

талъ очень усердно. Въ свободное отъ лекцій время онъ уѣзжалъ къ матери въ Спасское и тамъ предавался двумъ своимъ любимымъ занятіямъ — чтенію и охотѣ. Окончивъ университетъ, но все же находя себя еще недостаточно образованнымъ, Тургеневъ рѣшилъ поѣхать за границу, въ Берлинъ, университетъ котораго славился своими учеными профессорами. Это путешествіе едва не стоило Ивану Сергѣевичу жизни, такъ какъ пароходъ, на которомъ онъ ѣхалъ, сгорѣлъ на морѣ и пассажиры съ большимъ трудомъ и опасностями кое какъ успѣли добраться до берега на лодкахъ, пожитки же ихъ всѣ погибли. Это происшествіе Тургеневъ описалъ въ рассказѣ «Пожаръ на морѣ».

Въ Берлинѣ Тургеневъ пробылъ въ два пріѣзда около двухъ лѣтъ и занимался такъ усердно, что по возвращеніи въ Россію справедливо могъ считаться однимъ изъ самыхъ образованнѣйшихъ людей того времени. Въ особенности обстоятельно познакомился онъ съ произведеніями лучшихъ иностранныхъ писателей и ученыхъ. Въ Берлинѣ Тургеневу жилось хорошо, такъ какъ тамъ въ то время собрался довольно большой кружокъ русскихъ молодыхъ людей, изъ которыхъ многіе впоследствии заслужили извѣстность на различныхъ

поприцахъ. Вся эта молодежь жила дружно и весело; Тургеневъ съ большой грустью покинулъ Берлинъ и вернулся въ Петербургъ, гдѣ поступилъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Онъ прослужилъ не болѣе двухъ лѣтъ и затѣмъ навсегда вышелъ въ отставку.

Въ это же время начинается его литературная дѣятельность.

Первымъ его литературнымъ произведеніемъ, если не считать напечатанныхъ Плетневымъ въ «Современникѣ» двухъ стихотвореній, была небольшая повѣсть въ стихахъ «Параша». Не обладая большими достоинствами, «Параша» однако указывала на несомнѣнное присутствіе въ ея авторѣ литературнаго дарованія и лучший тогдашній критикъ Бѣлинскій отозвался о ней сочувственно. Съ этихъ поръ Тургеневъ сошелся съ Бѣлинскимъ и ихъ дружескія отношенія прекратились только со смертью критика. Это знакомство имѣло большое вліяніе на всю дальнѣйшую литературную дѣятельность Тургенева, такъ какъ черезъ Бѣлинскаго онъ вошелъ въ литературный кружокъ, состоявшій изъ талантливыхъ тогдашнихъ писателей (Некрасовъ, Григоровичъ, Панаевъ и другіе) и въ ихъ обществѣ его собственный талантъ могъ только развиваться. Въ свою оче-

редь Тургеневъ оказалъ значительное вліяніе на весь этотъ кружокъ своимъ обстоятельнымъ знакомствомъ съ западно-европейской литературой, произведенія которой, благодаря прекрасному знанію иностранныхъ языковъ, могъ читать въ подлинникахъ. Вслѣдъ за «Парашей» Тургеневъ написалъ нѣсколько небольшихъ повѣстей, а въ 1847 г. появился его маленькій рассказъ, «Хоръ и Калинычъ», сразу обратившій на себя вниманіе. Этимъ рассказомъ начались знаменитыя «Записки Охотника», встрѣчавшіяся единодушными похвалами какъ критиковъ, такъ и публики. Всѣ заговорили о произведеніяхъ неизвѣстнаго автора, такъ какъ Тургеневъ подписывалъ «Записки Охотника» не полнымъ именемъ, а только начальными его буквами, но скоро узнали, кто авторъ этихъ прекрасныхъ рассказовъ, — и имя Ивана Сергѣевича Тургенева сразу получило большую извѣстность въ Россіи. Съ этого времени и начинается тотъ успѣхъ произведеній Тургенева, который въ короткое время поставилъ его на почетное мѣсто среди русскихъ писателей начала второй половины девятнадцатаго столѣтія. Когда печатались «Записки Охотника», Тургенева не было въ Россіи. По возвращеніи изъ Берлина Иванъ Сергѣевичъ рѣшилъ всецѣло предаться литературной работѣ, но первыми своими произве-

деніями, хотя и одобрительно встрѣченными, какъ мы уже сказали, критиками, съ Бѣлинскимъ во главѣ, самъ онъ остался недоволенъ и даже думалъ одно время совершенно бросить писать. Съ такимъ намѣреніемъ онъ и уѣхалъ въ 1847 году границу, но неожиданный успѣхъ «Хоря и Калиныча» снова побудилъ его взяться за перо и продолжать «Записки Охотника». Проживъ нѣсколько лѣтъ за-границей, Тургеневъ вернулся въ 1850 году въ Россію, гдѣ въ это время умерла его мать. Получивъ въ наслѣдство большое имѣніе, онъ тотчасъ отпустилъ на волю своихъ дворовыхъ и перевелъ на оброкъ всѣхъ пожелавшихъ того крестьянъ и вообще всячески содѣйствовалъ улучшенію быта своихъ крѣпостныхъ.

При общемъ освобожденіи крестьянъ въ 1861 году и выкупѣ ихъ земель, Иванъ Сергѣевичъ также сдѣлалъ очень много въ пользу своихъ крестьянъ, даже въ ущербъ собственнымъ средствамъ и интересамъ.

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Россію Иванъ Сергѣевичъ познакомился съ Гоголемъ, котораго онъ, наравнѣ съ Пушкинымъ, ставилъ чрезвычайно высоко. Гоголь въ свою очередь очень одобрительно относился къ молодому писателю, хвалилъ его рассказы и разъ

даже какъ то замѣтилъ, что «теперь только стоить читать одного Тургенева». Но личное знакомство Тургенева съ великимъ русскимъ писателемъ было непродолжительно, потому что въ 1852 году Гоголь скончался. Эта смерть сильно поразила Тургенева и онъ посвятилъ памяти умершаго горячо написанную статью. До 1855 года Тургеневъ почти безвыѣздно прожилъ въ своей деревнѣ и это пребываніе плодотворно отразилось на его литературной дѣятельности, такъ какъ, по его собственнымъ словамъ, сблизило его съ такими сторонами русскаго быта, на которыя онъ, безъ того, можетъ быть вовсе не обратилъ бы вниманія. Въ 1856 году онъ снова уѣхалъ за границу и съ тѣхъ поръ до самой смерти постоянно проводилъ тамъ большую часть времени.

Въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ появились въ свѣтъ лучшія, вмѣстѣ съ «Записками Охотника», его произведенія: «Дворянское гнѣздо», «Фаустъ», «Рудинъ», «Первая любовь», «Отцы и дѣти», и другіе романы и повѣсти. Всѣ эти труды окончательно упрочили положеніе Тургенева, какъ первокласснаго писателя. Всякое новое произведеніе Ивана Сергѣевича всегда съ нетерпѣніемъ ожидалось въ Россіи и вызывало самые

оживленные толки. Но не говоря уже о томъ почетѣ и извѣстности, которымъ пользовалось имя Тургенева на его родинѣ, извѣстность его была велика и за-границей, гдѣ онъ провелъ большую часть второй половины своей жизни.

Въ концѣ шестидесятихъ годовъ, за исключеніемъ ежегодныхъ, но непродолжительныхъ поѣздокъ въ Россію, Тургеневъ почти все время жилъ въ небольшомъ нѣмецкомъ городѣ Баденъ-Баденѣ. Въ этомъ городкѣ, извѣстномъ своими цѣлебными водами, въ то время ежегодно стекалось множество народа со всѣхъ концовъ міра. Тургенева главнымъ образомъ прельщала въ Баденъ-Баденѣ рѣдкая по живописности мѣстность, среди которой расположенъ этотъ городокъ. Баденъ настолько понравился Ивану Сергѣевичу, что онъ купилъ себѣ тамъ небольшой участокъ земли и выстроилъ на немъ маленькій, но прекрасно устроенный домъ, а всю остальную землю превратилъ въ садъ.

Рядомъ съ домомъ Тургенева стоялъ домъ его друзей, Віардо. Госпожа Віардо была въ молодости пѣвицей, пользовавшейся всемірной извѣстностью, но въ описываемое нами время уже больше не пѣла на сценѣ и жила постоянно съ своей семьей въ Баденѣ. Однако для такой пѣвицы невозможно было оставаться

въ уединеніи: ея извѣстность была такъ велика. что къ ней часто обращались съ просьбами давать молодымъ начинающимъ пѣвицамъ указанія и уроки. Поэтому она время отъ времени устраивала подѣ своимъ наблюденіемъ театральныя представленія. Такія представленія обыкновенно происходили у Тургенева, у котораго въ домѣ была большая зала, отлично приспособленная къ скорому устройству въ ней сцены. Иванъ Сергѣевичъ написалъ для этихъ представлений нѣсколько веселыхъ маленькихъ пьесъ сказочнаго содержанія на французскомъ языкѣ, и даже иногда принималъ на себя нѣкоторыя роли. Имѣя богатырскую фигуру, онъ, по большей части, изображалъ какого нибудь стараго колдуна или людоеда, которому приходилось воевать съ маленькими духами, русалками или домовыми, и оказывавшагося, несмотря на свой ростъ и силу, въ концѣ концовъ побѣжденнымъ. Эти представленія посѣщались самой отборной частью жившаго тогда въ Баденѣ общества, и на нихъ нерѣдко присутствовали король и королева прусскіе, проводившіе въ Баденѣ каждое лѣто. Всѣ болѣе или менѣе выдающіеся люди, по пріѣздѣ въ Баденъ, считали непремѣннымъ долгомъ посѣтить Тургенева и у него постоянно можно было встрѣтить не только

русскихъ, но и многихъ извѣстныхъ иностранныхъ писателей и критиковъ, находившихся съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ и единогласно отдававшихъ дань почтенія его большому таланту. Вообще изъ числа русскихъ писателей Тургеневъ былъ первый, пользовавшійся за-границей почти такой же извѣстностью, какъ и на родинѣ. Причиной этого были конечно, главнымъ образомъ, постоянныя поѣздки Тургенева за-границу и сближеніе его тамъ съ многими изъ выдающихся людей, а затѣмъ превосходное знаніе имъ иностранныхъ языковъ, благодаря которому онъ часть своихъ произведеній даже писалъ на французскомъ языкѣ, чтобы дать своимъ заграничнымъ друзьямъ возможность лучше и скорѣй познакомиться съ его трудами. Въ Парижѣ, гдѣ онъ провелъ почти всѣ послѣдніе годы своей жизни, Иванъ Сергѣевичъ близко сошелся съ лучшими французскими писателями — Флоберомъ, Зола, Додэ, Мопассаномъ, и по ихъ отзывамъ имѣлъ на нихъ сильное вліяніе. Большая часть Тургеневскихъ произведеній были переведены на многіе иностранные языки и пользуются большимъ распространеніемъ не только во всей Европѣ, но и въ Америкѣ. Иванъ Сергѣевичъ постоянно получалъ письма отъ разныхъ лицъ изъ всякихъ странъ;

въ письмахъ этихъ выражалось уваженіе къ его таланту и желаніе хоть заглазно познакомиться съ нимъ. Пріѣзды его въ Россію бывали для Тургенева также постояннымъ торжествомъ. На какихъ бы публичныхъ собраніяхъ онъ ни присутствовалъ, его появленіе служило поводомъ къ восторженнымъ и шумнымъ проявленіямъ радости публики, изъ всѣхъ силъ старавшейся показать свое уваженіе и любовь къ русскому писателю. Особеннымъ торжествомъ былъ для Тургенева пріѣздъ его лѣтомъ 1880 г. въ Москву на открытіе памятника Пушкину. И онъ, и другой присутствовавшій тамъ извѣстный писатель, Достоевскій, были предметомъ самыхъ восторженныхъ привѣтствій со стороны собравшихся со всей Россіи образованныхъ людей, желавшихъ, у подножія памятника великаго учителя всѣхъ русскихъ художниковъ слова, показать свое уваженіе къ достойнымъ его преемникамъ. Лѣто слѣдующаго 1881 года Иванъ Сергѣевичъ провелъ у себя въ Спаскомъ, гдѣ гостило нѣсколько его друзей. Мучительная болѣзнь, которою онъ страдалъ послѣдніе годы, какъ бы стихла, Иванъ Сергѣевичъ чувствовалъ себя хорошо, много гулялъ, охотно разговаривалъ и рассказывалъ. Уѣзжая осенью за границу, онъ надѣялся къ лѣту снова вернуться на родину, но этой

надеждѣ не суждено было сбыться — живымъ родина больше его не видала. Въ концѣ 1881 года въ Россіи стали появляться очень тревожные слухи о состояніи здоровья Тургенева. Говорили, что болѣзнь его усиливается, что онъ почти не можетъ двигаться и принужденъ цѣлыми днями лежать на одномъ мѣстѣ, такъ какъ малѣйшее движеніе причиняетъ ему невыразимыя страданія. Но такъ какъ, наряду съ этимъ, въ русскихъ журналахъ то и дѣло появлялись новыя произведенія Ивана Сергѣевича, показывавшія, что онъ не пересталъ работать, то никто и не думалъ о возможности его скорой кончины. Но въ началѣ 1883 года болѣзнь Тургенева такъ усилилась, что ему пришлось сдѣлать операцію. Операція эта была сдѣлана удачно и силы какъ бы вернулись къ Ивану Сергѣевичу, который тотчасъ же воспользовался этимъ и принялся за начатый имъ уже прежде пересмотръ своихъ сочиненій для новаго изданія. Но самъ писать онъ уже не могъ и долженъ былъ диктовать окружающимъ свои письма и замѣтки. За два мѣсяца до смерти онъ окончилъ свой послѣдній рассказъ, «Пожаръ на морѣ», гдѣ описывалъ происшествіе, дѣйствительно случившееся съ нимъ въ молодости, и о которомъ мы уже упоминали. Въ августѣ всѣ окружавшіе Тургенева друзья его

поняли, что со дня на день слѣдуетъ ожидать его кончины. Измученный невѣроятными страданіями, больной почти все время лежалъ въ забытіи и сознаніе возвращалось къ нему лишь на самое короткое время. Послѣдніе два дня Тургеневъ былъ совершенно безъ сознанія и только по дыханію можно было судить, что онъ еще живъ, а 22-го августа его не стало. Умеръ Тургеневъ на своей дачѣ, въ окрестностяхъ Парижа, куда черезъ два дня было перевезено его тѣло для отпѣванія въ русской церкви. Отпѣваніе это было совершено очень торжественно, въ присутствіи нашего посла, большинства проживавшихъ въ то время въ Парижѣ русскихъ и множества иностранныхъ друзей и почитателей умершаго писателя. Въ Россіи извѣстіе о смерти Тургенева было встрѣчено съ самымъ горячимъ сожалѣніемъ. Большинство образованныхъ русскихъ людей поспѣшило такъ или иначе выразить свою любовь къ покойному. Во многихъ городахъ Россіи были отслужены по немъ панихиды, и похороны Тургенева рѣшено было обставить какъ можно болѣе торжественно. При этомъ нужно прибавить, что не въ одной только Россіи смерть Тургенева была признана, какъ тяжелая потеря. Въ большинствѣ европейскихъ и американскихъ газетъ и журналовъ появились

самые сочувственные отзывы объ умершемъ русскомъ писателѣ, доказывавшіе, какъ высоко цѣнился его талантъ не только на родинѣ, а далеко за ея предѣлами, во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ были переведены его произведенія. Тургеневъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы его похоронили въ Россіи, и сначала выражалъ желаніе быть погребеннымъ въ Святогорскомъ монастырѣ, у ногъ Пушкина, котораго онъ всегда называлъ своимъ учителемъ, но затѣмъ отказался отъ этого намѣренія, находя себя недостойнымъ такой чести, и завѣщалъ похоронить себя въ Петербургѣ, рядомъ съ своимъ другомъ Бѣлинскимъ.

Черезъ три недѣли послѣ смерти Тургенева прахъ его былъ отправленъ въ Россію. Проводить тѣло знаменитаго русскаго писателя, такъ долго прожившаго среди французовъ и такъ ихъ любившаго, собралась въ Парижѣ громадная толпа народа во главѣ со многими представителями науки, литературы и искусства. 27-го сентября, покрытый цвѣтами и вѣнками, гробъ Тургенева прибылъ въ Петербургъ. Торжественные похороны его состоялись въ тотъ же день и всѣ расходы по нимъ городское управленіе Петербурга приняло на свой счетъ. Сверхъ того городская дума открыла въ память покойнаго два народныхъ училища его

имени и назначила стипендію его же имени въ Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ Иванъ Сергѣевичъ окончилъ курсъ.

Похороны отличались необычайной торжественностью. Толпы народа совершенно покрывали всѣ улицы, по которымъ двигалось похоронное шествіе отъ станціи желѣзной дороги до самаго кладбища. Въ шествіи принимало участіе сто семьдесятъ девять депутацій съ вѣнками отъ различныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ, высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, большинства газетъ и журналовъ, какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ, а также отъ нѣкоторыхъ русскихъ городовъ. Очень много вѣнковъ было привезено вмѣстѣ съ гробомъ, такъ какъ во всѣхъ городахъ, лежащихъ по Варшавской желѣзной дорогѣ, по которой везли изъ заграницы тѣло Тургенева (Вильнѣ, Двинскѣ, Островѣ, Псковѣ, Лугѣ и другихъ), толпа народа по цѣлымъ часамъ ожидала прибытія поѣзда съ гробомъ Ивана Сергѣевича, чтобы возложить на него вѣнки. По окончаніи заупокойной литургіи и панихиды въ кладбищенской церкви гробъ человѣка, пользовавшагося почти сорокъ лѣтъ такой извѣстностью, которая едва ли выпадала на долю другихъ знаменитыхъ русскихъ писателей, былъ опущенъ въ могилу и засыпанъ землей и цвѣ-

тами. Надъ свѣжей могилой было произнесено много рѣчей, посвященныхъ памяти покойнаго и многотысячная толпа еще долго наполняла все Волково кладбище.

II.

Одной изъ важныхъ заслугъ Тургенева передъ Россіей, независимо отъ той пользы, которую онъ принесъ своими многочисленными произведеніями, было то обстоятельство, что главнымъ образомъ благодаря ему знаніе и пониманіе русской литературы начало распространяться за границей. Горячо любя отечественную литературу, Тургеневъ всю жизнь стремился, чтобы эта литература сдѣлалась извѣстной и за предѣлами Россіи. Проведя чуть не половину жизни въ Германіи и Франціи, гдѣ находился въ самыхъ близкихъ, дружескихъ отношеніяхъ со многими изъ выдающихся людей, Тургеневъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы познакомить своихъ заграничныхъ друзей съ Россіей, о которой они по большей части имѣли самыя невѣрные понятія. Онъ хотѣлъ доказать имъ, что въ далекой странѣ, почитаемой ими чуть не за варварскую, есть

много вещей, достойныхъ вниманія, удивленія и даже подражанія.

Благоговѣя передъ геніемъ Пушкина, котораго всю жизнь, до самой смерти, называлъ своимъ учителемъ, Иванъ Сергѣевичъ самъ перевелъ на французскій языкъ его драматическія произведенія. Онъ же постоянно наблюдалъ за переводами на иностранные языки сочиненій графа Л. Н. Толстого. Вообще можно сказать, что если теперь произведенія нѣкоторыхъ русскихъ писателей (Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Достоевскаго, Толстого) переведены на большинство иностранныхъ языковъ, пользуются въ Европѣ большой извѣстностью и имѣютъ обширный кругъ читателей, число которыхъ увеличивается съ каждымъ годомъ, то этимъ наши писатели и вся Россія очень многимъ обязаны Тургеневу. При этомъ нужно замѣтить, что изъ всѣхъ нашихъ писателей именно Иванъ Сергѣевичъ былъ особенно пригоденъ для того, чтобы служить распространителемъ интереса къ русской литературѣ среди иностранцевъ. Происходило это вотъ почему. Понятно, что при обширности заграничныхъ знакомствъ Тургенева и той извѣстности, которой онъ много лѣтъ пользовался въ Европѣ, иностранцы, желавшіе ознакомиться съ русской литературой, прежде всего познакомились

съ произведеніями самаго Тургенева. Этимъ же путемъ они легче чѣмъ какимъ либо инымъ могли перейти къ чтенію и псниманію различныхъ произведеній русской литературы, потому что въ своей манерѣ писать и изображать выводимыхъ имъ лицъ Тургеневъ подходилъ ближе другихъ русскихъ писателей къ писателямъ иностраннымъ.

Многіе русскіе писатели, какъ, напримѣръ, Гоголь, Писемскій, Достоевскій изображаютъ въ своихъ повѣстяхъ и романахъ по большей части такіе чисто русскіе типы, что, несмотря на всю талантливость этихъ произведений, иностранцу, плохо знакомому съ русской жизнью, они нерѣдко кажутся мало понятными, и потому менѣе интересными, чѣмъ романы Тургенева. Но если Тургеневъ и не такъ глубоко проникалъ въ тайники русской души, зато мало у кого даже изъ лучшихъ нашихъ писателей найдутся такіа чудныя описанія природы какъ у Тургенева, мало кто писалъ такимъ прекраснымъ, чистымъ русскимъ языкомъ, мало кто такъ любилъ и высоко цѣнилъ этотъ языкъ. Вотъ что писалъ Иванъ Сергѣевичъ въ своихъ «воспоминаніяхъ», обращаясь къ молодымъ русскимъ писателямъ, съ «последней», какъ онъ говорилъ, «просьбой»:—«берегите нашъ языкъ, нашъ прекра-

снѣй русскій языкъ, этотъ кладъ, это достояніе, переданное намъ нашими предшественниками, въ челѣ которыхъ блистаетъ (какъ и во всемъ, относящемся до литературы) опять таки Пушкинъ! Обращайтесь почтительно съ этимъ могущественнымъ орудіемъ: въ рукахъ умѣлыхъ оно въ состояніи совершать чудеса».

И Тургеневъ имѣлъ право говорить это, такъ какъ послѣднее выраженіе, по полной справедливости, можетъ быть отнесено къ нему самому. Кого бы онъ ни описывалъ, крестьянина, мастерового, купца, или важнаго барина, всѣ эти лица говорятъ тѣмъ самымъ языкомъ, какой услышите отъ подобныхъ лицъ въ дѣйствительности; особенности, встрѣчающіяся въ русской рѣчи, сообразно съ мѣстностями, также всегда замѣчаются Тургеневымъ и выраженіе, свойственное жителю хотя бы Орловской губерніи, въ его произведеніяхъ никогда не будетъ произнесено, напримѣръ, москвичемъ. Преимущественно хорошо зналъ Тургеневъ всѣ особенности языка, обычаевъ, нравовъ и привычекъ обитателей средней, черноземной полосы Россіи. Недаромъ во время своихъ охотъ исходилъ онъ цѣлые уѣзды — нѣтъ мелочи въ жизни орловцевъ, калужанъ и туляковъ, которая была бы ему неизвѣстна. Въ особенности это превосходное знаніе русской жизни и при-

роды выказываются Тургеневымъ въ рядѣ большихъ разсказовъ, носящихъ общее названіе «Записокъ Охотника», съ которыхъ, какъ мы уже сказали, и началась его литературная извѣстность, поддержанная и увеличенная послѣдующими его сочиненіями. «Записки Охотника» заключаютъ въ себѣ рядъ очерковъ самаго разнообразнаго содержанія. Тургеневъ описываетъ въ нихъ различныя сцены, которыя ему приходилось наблюдать во время его охотъ. Когда читаешь «Записки Охотника», то передъ глазами проходятъ, какъ живые, всевозможные люди: помѣщики, купцы, крестьяне.

Главнымъ образомъ въ Тургеневскихъ разсказахъ, писанныхъ во время крѣпостного права, встрѣчаются описанія крестьянъ, отличающіяся замѣчательной живостью и вѣрностью. При этомъ Тургеневъ съ особенной любовью останавливается на хорошихъ чертахъ простого русскаго человѣка, его добротѣ, покорности Божьей волѣ и такъ далѣе.

Въ первомъ разсказѣ «Записокъ Охотника», озаглавленномъ «Хорь и Калинычъ», Тургеневъ выводитъ двухъ совершенно различныхъ, ни въ чемъ между собой не схожихъ, но хорошихъ мужиковъ. Хорь представляетъ изъ себя разсудительнаго, умнаго, дѣльнаго мужика. Когда его изба сгорѣла, онъ пошелъ къ сво-

ему помѣщику и попросилъ у него разрѣшеніе построить себѣ новую не въ деревнѣ, а поодаль отъ нея, въ лѣсу, около болота. Помѣщикъ сначала удивился такой просьбѣ, но когда Хорь согласился платить за себя очень большой оброкъ, съ тѣмъ только, чтобы его не употребляли ни на какую работу, то согласился. Хорь выстроилъ себѣ избу и занялся хозяйствомъ. Работая непокладая рукъ, онъ, съ помощью своихъ сыновей, которыхъ у него было восемь человѣкъ, мало по малу разбогатѣлъ, сталъ заниматься торговлей и сдѣлался образцомъ исправнаго мужика. Помѣщикъ нѣсколько разъ предлагалъ Хорю откупиться на волю, но тотъ все отказывался. Когда охотникъ, отъ лица котораго ведется рассказъ, то есть самъ Тургеневъ, началъ его спрашивать, почему онъ не хочетъ сдѣлаться свободнымъ человѣкомъ, онъ объяснилъ, что теперь ему живется очень хорошо, ему только и заботы, что исправно уплачивать свой оброкъ, барышъ у него хорошій и онъ, Хорь, чувствуетъ себя совсѣмъ спокойнымъ, знаетъ, что его никто не тронетъ. «А попалъ Хорь въ вольные люди», — продолжалъ онъ вполголоса, какъ будто про себя, — «кто безъ бороды, тотъ Хорю и набольшій».

Сложивъ руки Хорь никогда не сидѣлъ, вѣч-

но надъ чѣмъ нибудь копается, — телѣгу чинить, заборъ подpiraетъ, сбрую пересматриваетъ. Разговорившись съ охотникомъ и узнавъ, что тотъ побывалъ заграницей, — Хорь принялся его расспрашивать про чужіе края, про то какъ тамъ живутъ люди, какіе тамъ порядки. При этомъ Хорь по временамъ вставлялъ свои замѣчанія, что «дескать это у насъ не шло бы, а вотъ это хорошо, это порядокъ», и эти замѣчанія всегда были дѣловыя, вѣрныя.

Калинычъ представлялъ изъ себя полную противоположность съ Хоремъ. Тоже уже не молодой мужикъ, онъ жилъ бобылемъ въ плохенькой избушкѣ и хозяйство у него было неважное, только пасѣку держалъ хорошую. Впрочемъ Калинычъ не могъ держать въ исправности свое хозяйство не изъ лѣни, а главнымъ образомъ потому, что чуть не ежедневно ходилъ со своимъ помѣщикомъ, страстнымъ охотникомъ, на охоту, что доставляло ему большое удовольствіе, хотя самъ онъ никогда не бралъ ружья въ руки. Но онъ очень любилъ природу и ему было пріятно проводить цѣлые дни на чистомъ воздухѣ, любоваться на Божій міръ и его красоту. Лицо его было необыкновенно кроткимъ и яснымъ и вообще кротость, доброта и желаніе всегда услужить людямъ со-

ставляли основныя черты его характера. Онъ былъ большимъ пріятелемъ съ Хоремъ, который хотя немного и относился къ нему свысока за отсутствіе въ немъ степенности и разсудительности, но за то уважалъ за нѣкоторыя его особенныя дарованія.

Такъ Калинычъ заговаривалъ кровь, испугъ, бѣшенство, выгонялъ червей, пчелы его очень любили и хорошо у него водились, рука у него была легкая. Калинычъ также вмѣстѣ съ Хоремъ спрашивалъ Тургенева о заграничныхъ странахъ, но при этомъ его больше всего интересовали описанія природы, горъ, водопадовъ, необыкновенныхъ зданій, большихъ городовъ. Калинычъ былъ очень разговорчивъ, любилъ пѣть и играть на балалайкѣ, чѣмъ доставлялъ большое удовольствіе своему пріятелю Хорю, который на это время бросалъ свою вѣчную работу надъ чѣмъ нибудь и готовъ былъ безъ конца слушать. Несмотря на то, что Калинычъ жилъ довольно бѣдно, чистота у него была поразительная и Хорь, самъ особенно чистоты не придерживавшійся, говоря, что «надо де избѣ жильемъ пахнуть», объяснялъ чистоту Калиныча тѣмъ, что иначе у него пчелы не стали бы жить.

Въ другомъ разсказѣ, носящемъ названіе «Бирюкъ», Тургеневъ показываетъ, какъ у самага

суроваго мужика въ глубинѣ сердца является жалость, когда онъ видитъ передъ собой настоящее несчастье. Въ этомъ разсказѣ Тургеневъ описываетъ, какъ однажды, возвращаясь ночью съ охоты, онъ былъ застигнутъ въ лѣсу сильной грозой. Полилъ такой дождь и наступила такая тьма, что охотникъ принужденъ былъ остановиться и, пріютившись у большого куста, пережидать окончанія ненастья. Къ счастью скоро рядомъ съ нимъ, какъ будто изъ подъ земли, выросла высокая фигура какого то человѣка. Человѣкъ этотъ назвался мѣстнымъ лѣсникомъ и предложилъ охотнику переждать грозу у него въ избѣ. Тотъ, понятно, съ радостью согласился и скоро очутился въ маленькой, бѣдной избушкѣ своего спутника, жившаго съ двумя дѣтьми — дѣвочкой лѣтъ двѣнадцати, и груднымъ ребенкомъ. Жена лѣсника, какъ оказалось, недавно ушла куда то, бросивъ мужа и дѣтей. Тургеневъ поблагодарилъ своего проводника и спросилъ, какъ его зовутъ. «Меня зовутъ Оомой, — отвѣчалъ онъ, а по прозвищу Бирюкъ. — А, ты Бирюкъ? — Я съ удвоеннымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него. Отъ моего Ермолая (охотника, постоянного спутника Тургенева) и отъ другихъ я часто слышалъ разказы о лѣсникѣ Бирюкѣ, котораго всѣ окрестные мужики боялись, какъ огня.

По ихъ словамъ, не бывало еще на свѣтѣ такого мастера своего дѣла. «Вязанки хворосту не дасть утащить; въ какую бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться,—силенъ, дескать, и ловокъ, какъ бѣсъ... И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами, ни на какую приманку не идетъ. Ужь не разъ добрые люди его сжить со свѣту собирались, да нѣтъ, не дается».—Вотъ какъ отзывались сосѣдніе мужики о Бирюкѣ.—«Такъ ты Бирюкъ?—повторилъ я:—я, братъ, слыхалъ про тебя. Говорятъ, ты никому спуску не даешь.—Должность свою справляю,—отвѣчалъ онъ угрюмо;—даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится». Когда гроза стала проходить, Бирюкъ предложилъ охотнику проводить его изъ лѣсу, а самъ взялъ ружье говоря, что въ лѣсу шалятъ... «У «Кобыльяго Верху» дерево рубятъ». Видя, что лѣсникъ боится опоздать и не застать уже порубщика, Тургеневъ сказалъ ему, что пойдетъ съ нимъ вмѣстѣ. «Ладно,—отвѣчалъ Бирюкъ,—мы его духомъ поймаемъ, а тамъ я васъ провожу. Пойдемте». Они пошли, причемъ охотникъ все время удивлялся искусству лѣсника находить дорогу среди непроглядной тьмы и лѣсной чащи, а также его слуху, потому что самъ Тургеневъ только подходя къ самому оврагу услышалъ звуки топора,

Бирюкъ же, не смотря на шумъ дождя и вѣтра, ухитрился разслышать ихъ еще во дворѣ своей избушки. Подойдя къ мѣсту порубки, Бирюкъ сдѣлалъ знакъ своему спутнику остановиться, нагнулся и, поднявъ ружье, исчезъ между кустами. Скоро послышался шумъ борьбы и когда Тургеневъ подоспѣлъ, то увидѣлъ, что лѣсникъ уже держалъ вора и закручивалъ ему кушакомъ руки за спину. Тутъ же стояла дрянная лошаденка, покрытая рогожкой, вмѣстѣ съ телѣжнымъ ходомъ. Охотнику стало жалко порубщика, мокраго, въ лохмотьяхъ, съ длинной растрепанной бородой и жалкимъ, измученнымъ видомъ... «Отпусти его, — шепнулъ онъ на ухо Бирюку, — я заплачу за дерево. — Бирюкъ молча взялъ лошадь за чолку лѣвой рукой: правой онъ держалъ вора за поясъ. — Ну, поворачивайся, ворона, промолвилъ онъ сурово. — Топорикъ-то, вонъ, — возьмите — пробормоталъ мужикъ. — Зачѣмъ пропадать, сказалъ лѣсникъ и поднялъ топоръ». Дождь между тѣмъ снова полилъ какъ изъ ведра и Тургеневъ возвратился въ избушку лѣсника, твердо рѣшившись освободить порубщика, произведшаго на него необыкновенно жалостное впечатлѣніе. Нѣкоторое время по приходѣ въ избу всѣ сидѣли молча. «Ома Кузьмичъ, заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ, а Ома Кузьмичъ! — Чего

тебѣ?—Отпусти.—Бирюкъ не отвѣчалъ.—Отпусти... съ голодухи,—отпусти.—Знаю я васъ, угрюмо возразилъ лѣсникъ: ваша вся слобода такая—воръ на ворѣ.—Отпусти, твердилъ мужикъ,—приказчикъ... разорены, во какъ... отпусти!—Разорены... Воровать никому не слѣдь... Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.—Отпусти,—повторилъ онъ съ унылымъ отчаяніемъ:—отпусти, ей-Богу отпусти! я заплачу, во какъ, ей Богу. Ей Богу съ голодухи... дѣтки пищать, самъ знаешь. Круто, во какъ, приходится». Но, несмотря на всѣ мольбы мужика, лѣсникъ оставался непреклоннымъ, справедливо говоря, что несмотря ни на что воровать ходить не дѣло, а ему самому баловать воровъ тоже не приходится, съ него самого взыщутъ, онъ человѣкъ подневольный.—Мужикъ замолчалъ и нѣсколько минутъ сидѣлъ молча, но затѣмъ внезапно выпрямился. «Глаза у него загорѣлись и на лицѣ выступила краска. Ну, нà, ѣшь, нà, подавись, нà,—началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ:—нà, душегубецъ окаянный, пей христіанскую кровь, пей... Лѣсникъ обернулся.—Тебѣ говорю, тебѣ, азіать, кровопійца, тебѣ!—Пьянъ ты, что ли, что ругаться вздумалъ!—заговорилъ съ изумленіемъ лѣсникъ.—Съ ума сошелъ, что ли?—Пьянъ!...

не на твои деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь, звѣрь!—Ахъ ты... да я тебя!—А мнѣ что? Все едино—пропадать; куда я безъ лошади пойду? Пришиби—одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ—все едино. Пропадай все: жена, дѣти,—околѣвай все... А до тебя, погоди, доберемся!—Бирюкъ приподнялся.—Бей, бей,—подхватилъ мужикъ свирѣпымъ голосомъ: бей,—на, на, бей... (Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась на него). Бей, бей!—Молчать! загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза.—Полно, полно, Оома,—закричалъ я:—оставь его... Богъ съ нимъ.—Не стану я молчать,—продолжалъ несчастный. Все едино, околѣвать-то. Душегубецъ ты, звѣрь, погибели на тебя нѣту... Да стой, не долго тебѣ чваниться! затащить тебѣ глотку, стой!—Бирюкъ схватилъ его за плечо... Я бросился на помощь мужику...—Не троньте, баринъ!—крикнулъ на меня лѣсникъ.—Я бы не побоялся его угрозы и уже протянулъ было руку, но, къ крайнему моему изумленію, онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.—Убирайся къ чорту съ своей лошадыю!—закричалъ онъ ему вслѣдъ:—да смотри въ другой разъ у меня...

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу. — Ну, Бирюкъ, — промолвилъ я наконецъ: удивилъ ты меня: ты, я вижу, славный малый. — Э, полноте, баринъ, перебилъ онъ меня съ досадою, — не извольте только сказывать».

Въ другомъ разсказѣ, «Смерть», Тургеневъ обратилъ вниманіе на то, какъ покойно и тихо умираетъ очень часто русскій человѣкъ. По словамъ писателя умирающій въ такихъ случаяхъ смотритъ на свою кончину какъ будто на какой нибудь обрядъ — ни страху, ни боязни въ немъ не замѣтно. Разъ онъ видитъ, что смерть близка и неизбежна, онъ сразу примиряется съ мыслью о ней, «видно Богу такъ угодно», устраиваетъ по возможности свои земныя дѣла и спокойно умираетъ. Въ «Смерти» Тургеневъ, между прочимъ, описываетъ смерть лѣсного подрядчика, котораго при рубкѣ лѣса придавило деревомъ...

«Мы нашли бѣднаго Максима на землѣ. Человѣкъ десять мужиковъ стояло около него. Мы слѣзли съ лошадей. Онъ почти не стоналъ, изрѣдка раскрывалъ и расширялъ глаза, словно съ удивленіемъ глядѣлъ кругомъ и покусывалъ посинѣвшія губы... Подбородокъ у него дрожалъ, волосы прилипли ко лбу, грудь поднималась неровно; онъ умиралъ. Легкая

тѣнь молодой липы тихо скользила по его лицу. Мы нагнулись къ нему. Онъ узналъ Ардаліона Михайловича (владѣльца лѣса).—Батюшка, заговорилъ онъ едва внятно—за попомъ.... послать.... прикажите.... Господь.... меня наказалъ.... ноги, руки, все перебито.... сегодня.... воскресенье.... а я.... а я.... вотъ.... ребятъ-то не распустилъ.—Онъ замолчалъ. Дыханье ему спирало.—Да деньги мои женѣ... женѣ дайте... за вычетомъ... вотъ Онисимъ знаетъ.... кому я.... что долженъ.—Мы за лѣкаремъ послали, Максимъ—заговорилъ мой сосѣдъ:—можетъ быть ты еще и не умрешь.—Онъ раскрылъ было глаза и съ усиліемъ поднялъ брови и вѣки.—Нѣтъ, умру. Вотъ... вотъ, подпираетъ, вотъ она, вотъ.... Простите меня, ребята, коли въ чемъ...—Богъ тебя проститъ, Максимъ Андреичъ, глухо заговорили мужики въ одинъ голосъ и шапки сняли: прости ты насъ. Онъ вдругъ отчаянно потрясъ головой, тоскливо выпятилъ грудь и опустилсѣ опять.—Нельзя же ему, однако, тутъ умирать,—воскликнулъ Ардаліонъ Михайлычъ:—ребята, давайте-ка вонъ съ телѣги рогожку, снесите его въ больницу.—Человѣкъ два бросились въ больницу.—Я у Ефима... Сычовскаго, — залепеталъ умирающій:—лошадь вчера купилъ... задатокъ далъ... такъ лошадь-то моя... женѣ... ее... тоже... — Стали

его класть на рогожу... онъ затрепеталь весь, какъ подстрѣленная птица и выпрямился...— Умеръ,—пробормотали мужики».

Яркимъ примѣромъ незлобія, терпѣнія и покорности выпавшему на ея долю испытанію является описанная Тургеневымъ въ разсказѣ «Живыя мощи» крестьянская дѣвушка Лукерья. Содержаніе этого разсказа слѣдующее:

Во время охоты Тургеневъ забрелъ на небольшой хуторокъ, принадлежавшій его матери, но въ которомъ онъ никогда передъ тѣмъ не бывалъ. Переночевавъ тамъ, онъ рано утромъ пошелъ гулять по саду и забрёлъ на пасѣку. На ней стоялъ маленькій сарайчикъ, куда ставятъ ульи на зиму. Охотникъ заглянулъ въ него и сталъ уходить, какъ вдругъ услышалъ, что изъ сарайчика его кто-то позвалъ по имени. Тургеневъ приблизился къ подмосткамъ, стоявшимъ въ углу сарая—и остолбенѣлъ отъ удивленія... «Передо мной,—разсказываетъ онъ,—лежало живое человѣческое существо; но что это было такое! Голова совершенно высохшая, одноцвѣтная, бронзовая,—ни дать, ни взять—икона стариннаго письма; носъ узкій, какъ лезвеё ножа; губъ почти не видать,—только зубы бѣлѣютъ и глаза, да изъ подъ платка выбиваются на лобъ жидкія пряди желтыхъ волосъ. У подбородка, на складкѣ

одѣяла, движутся, медленно перебирая пальцами, какъ палочками, двѣ крошечныя руки, тоже бронзоваго цвѣта. Я вглядываюсь попристальнѣе: лицо не только не безобразное, но даже красивое, но страшное, необычайное. И тѣмъ страшнѣе кажется мнѣ это лицо, что по немъ, по металлическимъ его щекамъ, я вижу—силится... силится и не можетъ расплыться улыбка.—Вы меня не узнаете, баринъ!—прошепталъ опять голосъ. Онъ словно испарялся изъ едва шевелившихся губъ. — Да гдѣ и узнать!—Я Лукерья... Помните, что хороводы у матушки вашей, въ Спасскомъ, водила... помните я еще запѣвалой была?» Тургеневъ не вѣрилъ своимъ ушамъ и глазамъ, такъ непохоже было лежавшее передъ нимъ несчастное, едва имѣвшее видъ живого чело-вѣка, существо, на первую красавицу и умницу во всей дворнѣ—Лукерью. Оправившись отъ изумленія, онъ сталъ разспрашивать болѣ-ную, какъ съ ней случилось такое несчастье. Оказалось, что этому прошло уже шесть или семь лѣтъ. Лукерья была невѣстой и скоро должны были свадьбу сыграть, какъ разъ ночью, когда ей не спалось, она вышла на крыльцо подышать воздухомъ, поскользнулась, да и упала на землю. Расшиблась она не очень сильно, но почувствовала, какъ внутри нея что

то какъ будто оборвалось. Съ той поры и захирѣла деревенская красавица, — стала сохнуть, чернѣть, руки и ноги отнялись, вся она почти окостенѣла. Пробовали ее лѣчить, лѣчили, лѣчили, прибѣгали къ самымъ сильнымъ, мучительнымъ средствамъ, но ничто не помогло. Женихъ ея женился на другой, а ее перевезли сюда на хуторъ, гдѣ у нея родственники живутъ. Тургеневъ сталъ спрашивать Лукерью о томъ, какъ ей живется, что она чувствуетъ, и изъ ея отвѣтовъ выяснилось все необычайное смиреніе и душевная чистота этой простой дѣвушки. Она не только не жаловалась на свою ужасную судьбу, но даже говорила, что другимъ еще хуже бываетъ. «Это какимъ же образомъ? — спросилъ Тургеневъ. — А у иного и пристанища нѣтъ! А иной слѣпой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Кротъ подъ землей роется, — я и то слышу. И запахъ я всякій чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха въ полѣ зацвѣтетъ или липа въ саду — мнѣ и скзывать не надо: я первая сейчасъ слышу. Лишь бы вѣтеркомъ оттуда потянуло. Нѣтъ, что Бога гнѣвить? — многимъ хуже моего бываетъ. Хоть бы то взять: иной здоровый человекъ очень легко согрѣшить можетъ, а отъ меня самъ грѣхъ отошелъ».

Лежа совершенно одинокой въ своемъ сарайчикѣ, Лукерья вся погрузилась въ наблюденія за окружавшей ее природой и радовалась каждому замѣченному ею пустяку, какъ ребенокъ. Ласточки свили себѣ гнѣздо недалеко отъ ея лежанки и смотрѣть за ихъ жизнью доставляло ей громадное удовольствіе... «Пчела на пасѣкѣ жужжитъ, да гудитъ, говорила она, голубь на крышу сядетъ и заворкуетъ, курочка — насѣдочка зайдетъ съ пылятами крошекъ поклевать; а то воробей залетитъ, или бабочка — мнѣ очень пріятно». Особенно трогательно выражалась Лукерья про свои отношенія къ Богу и изъ словъ ея ясна была горячая вѣра дѣвушки въ Провидѣніе и смиреніе по отношенію къ посланному ей Кресту. «А то я молитвы читаю, рассказываетъ она. Только не много я знаю ихъ, этихъ самыхъ молитвъ. Да и на что стану я Господу Богу наскучать? О чемъ я Его просить могу? Онъ лучше меня знаетъ, чего мнѣ надобно. Послалъ онъ мнѣ Крестъ, — значитъ меня Онъ любить. Такъ намъ вѣрно это понимать. Прочту Отче нашъ, Богородицу, акаѣистъ Всѣмъ Скорбящимъ, да и опять полеживаю себѣ безъ всякой думочки. И ничего!»

Спать Лукерья могла далеко не всегда, когда хотѣла. Сильныя боли во всемъ тѣлѣ

часто не давали ей спать, какъ слѣдуетъ, но за то каждый разъ, какъ заснетъ, все сны видить и сны все хорошіе, послѣ которыхъ ясное и спокойное настроеніе больной только усиливалось. Вотъ одинъ изъ этихъ сновъ, какъ ихъ передавала Лукерья: «Вижу я, будто стою я въ полѣ, а кругомъ рожь, такая высокая, спѣлая, какъ золотая!... И будто со мной собачка рыженькая, злющая-презлющая — все укусить меня хочетъ. И будто въ рукахъ у меня серпъ и не простой серпъ, а самый какъ есть мѣсяцъ, вотъ, когда онъ на серпъ похожъ бываетъ. И этимъ самымъ мѣсяцемъ должна я эту самую рожь сжать до чиста. Только очень меня отъ жары растомило, и мѣсяцъ меня слѣпить, и лѣнь на меня напала; а кругомъ васильки растутъ, да такіе крупные! И всѣ ко мнѣ головками повернулись. И думаю я: нарву я этихъ васильковъ; Вася придти обѣщался — такъ вотъ, я себѣ вѣнокъ сперва совью; жать-то я еще успѣю. Начинаю я рвать васильки, а они у меня промежъ пальцевъ тають да тають, хоть ты что! И не могу я себѣ вѣнокъ свить. А между тѣмъ, я слышу — кто-то ужъ идетъ ко мнѣ, близко таково, и зоветъ: Луша! Луша!... Ай, думаю, бѣда — не успѣла!... Все равно, надѣну я себѣ на голову этотъ мѣсяцъ замѣсто васильковъ. Надѣваю я мѣсяцъ, ровно

какъ кокошникъ, и такъ сама сейчасъ вся засіяла, все поле кругомъ освѣтила. Глядь—по самымъ верхушкамъ колосевъ катить ко мнѣ скорехонько—только не Вася—а самъ Христосъ! И почему я узнала, что это Христосъ—сказать не могу,—такимъ Его не пишутъ, а только Онъ! Безбородый, высокій, молодой, весь въ бѣломъ,—только поясъ золотой, и руку мнѣ протягиваетъ.—«Не бойся, говорить, невѣста Моя разубранная, ступай за Мною; ты у Меня въ царствѣ небесномъ хороводы водить будешь и пѣсни играть райскія». И я къ Его ручкѣ какъ прильну!—Собачка моя сейчасъ меня за ноги.... но тутъ мы взвились! Онъ впереди.... Крылья у Него по всему небу развернулись, длинныя, какъ у чайки,—и я за Нимъ. И собачка должна отстать отъ меня. Тутъ только я поняла, что эта собачка—болѣзнь моя, и что въ царствѣ небесномъ ей уже мѣста не будетъ». Когда Тургеневъ сталъ удивляться терпѣнію дѣвушки и жалѣть ее, то Лукерья совершенно искренно отвѣтила, что ни жалѣть, ни удивляться ей нечего: она въ своемъ смиреніи не могла даже понять, какой великій подвигъ изображаетъ изъ себя вся ея жизнь, все ея поведеніе. Тургеневъ предложилъ перевести ее въ больницу, гдѣ за ней будутъ ухаживать, но Лукерья просила ее не трогать, говоря,

что лучше ей отъ этого не будетъ; когда же тотъ сталъ спрашивать, не можетъ ли онъ все таки что нибудь для нея сдѣлать, она просила его устроить, чтобы хуторскимъ крестьянамъ, у которыхъ было недостаточно земли, сбавили оброку. «Они бы за васъ Богу помолились, прибавила она. А мнѣ ничего не нужно,—всѣмъ довольна». Смерти Лукерья не боялась и говорила, что непременно умретъ послѣ Петровкъ, такъ какъ видѣла это во снѣ. Черезъ нѣсколько недѣль Тургеневъ дѣйствительно узналъ, что Лукерья, которую на хуторѣ прозвали «Живыя Мощи», умерла и умерла именно «послѣ Петровкъ». При этомъ рассказывали, что въ самый день смерти она все слышала колокольный звонъ, хотя до ближайшей церкви было не менѣе пяти верстъ и день былъ будничныи. Впрочемъ, сама Лукерья говорила, что звонъ шелъ не отъ церкви, а «сверху». «Вѣроятно, прибавляетъ Тургеневъ, она не посмѣла сказать: «съ неба».

Такиими же качествами, какъ «Записки Охотника», то есть безукоризненнымъ, чистымъ языкомъ и живыми, яркими описаніями какъ людей, такъ и природы, отличается и большинство другихъ произведеній Тургенева. Лучшими изъ большихъ его сочиненій считаются повѣсть «Дворянское гнѣздо»

и романъ «Отцы и дѣти». Въ первой повѣсти Тургеневъ даетъ прекрасное описаніе старинной помѣщичьей жизни. «Отцы и дѣти» относятся къ позднѣйшему времени, уже послѣ освобожденія крестьянъ. Кромѣ произведеній прозаическихъ, Иванъ Сергѣевичъ писалъ стихи и пьесы для театра, изъ которыхъ многія, какъ на примѣръ «Завтракъ у предводителя», «Мѣсяцъ въ деревнѣ» отличаются большими достоинствами и до сихъ поръ нерѣдко даются въ театрѣ. Проводя много времени за границей, Тургеневъ высоко ставилъ заграничную жизнь и порядки и находилъ, что Россіи и русскимъ нужно еще много учиться у иностранцевъ. Но это увлеченіе чужими странами не мѣшало ему все же любить свою родину и желаніе его сблизить ее съ остальной Европой именно и проистекало отъ надежды, что такое сближеніе благотворно повліяетъ на Россію, научивъ ее многому тому, чего ей, по мнѣнію Тургенева, не доставало и чѣмъ обладали иностранцы. Эту мысль Иванъ Сергѣевичъ постоянно проводилъ въ своихъ сочиненіяхъ и поэтому, несмотря на все его увлеченіе Европой, онъ все же всегда оставался русскимъ человѣкомъ и писателемъ, которымъ Россія справедливо можетъ гордиться.

ИЗДАНИЯ

учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію Постоянной
Коммисіи народныхъ чтеній.

(С.-Петербургъ, Лиговская ул., № 19).

Уничженіе на землѣ Господа нашего Иисуса Христа. Цѣна 8 к. Церковь Христова со временъ Апостоловъ—15 к. Жизнь Божіей Матери—10 к. О Богослуженіи Православной Церкви—10 к. Великій Постъ—8 к. Св. Василий Великій—7 к. Св. Григорій Богословъ—7 к. Св. Іоаннъ Златоустъ—7 к. Жизнь св. Николая Чудотворца—8 к. Житіе преподобнаго Ксенофонта, Маріи, Іоанна и Аркадія—8 к. Св. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители Славянъ—8 к. Св. Стефанъ Пермскій—5 к. Св. Митрофанъ Воронежскій—5 к. Св. Димитрій Ростовскій—5 к. Св. Тихонъ, епископъ Воронежскій и Задонскій—8 к. Святитель Ѳеодосій Углицкій—8 к. Сказаніе о преподобномъ Трифонѣ, просвѣтителѣ лопарей—10 к. Іоаннъ Дамаскинъ, стихотвореніе—3 к. Отшельникъ (Алексій, человекъ Божій), стихотвореніе—5 к. Платонъ, митрополитъ Московскій—5 к. О жизни и подвигахъ Иннокентія, архіепископа Камчатскаго, въ послѣдствіи митрополита Московскаго—10 к. Исторія Святой земли—12 к. Русскіе богомольцы въ Святой Землѣ—20 к. Русскіе богомольцы на Синаѣ—12 к. Богомольцы у святынь Кіева. Лавра—20 к. Юже. Старый Кіевъ—10 к. Свято-Троицкая Сергіева лавра—10 к. Святая Почаевская Успенская лавра—8 к. Валаамская обитель—8 к. Кирилло-Бѣлозерскій монастырь—8 к. Соловецкая обитель—10 к. Новый Іерусалимъ—8 к. Ростовъ Великій и его святыни—15 к. Святыни города Вильны—10 к. Московскій кремль—7 к. Крестные ходы въ Москвѣ—5 к. Святыни Чернягова—6 к.

Начало христіанства на Руси—8 к. Сыновья св. Владиміра: свв. Борисъ и Глѣбъ, Ярославъ—6 к. Владиміръ Мономахъ и его завѣщаніе—10 к. Нашествіе татаръ и князь Михайлъ Тверской—8 к. Св. Благовѣрный великій князь Александръ Невскій—7 к. О святыхъ Московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексіи и о Мамаевомъ побоищѣ—8 к. Иванъ III—10 к. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный—10 к. О смутномъ времени на Руси—15 к. Царствованіе Михаила Ѳеодоровича—8 к. Царствованіе Алексѣя Михайловича—8 к. Петръ Великій—25 к. Какъ и чему училъ Петръ Великій народъ свой—8 к. О преемникахъ Петра Великаго (до Екатерины II)—10 к. Екатерина II Великая—10 к. О Суворовѣ—7 к. Потемкинъ-Таврическій—8 к. Царствованіе Императора Александра Перваго Благословеннаго—10 к. Народная война 1812 года—25 к. Императоръ Николай Первый—12 к. Разказы о Севастопольцахъ—8 к. О жизни и дѣяніяхъ Императора Александра II—20 к. Царь-Миротворецъ Александръ III—7 к. Объ униатахъ въ Западной Руси и ихъ воссоединеніи съ Православною Церковью—15 к. О рукописномъ дѣлѣ и книгопечатаніи на Руси—10 к. Милость Божія надъ Царемъ, явленная землѣ Русской 17-го октября 1888 года—10 к. Путешествіе Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича на Востокъ въ 1890 и 91 гг.—15 к. Священное коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ—5 к.

ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ,
выбранныя и сокращенно изложенныя, и праздники Православной Церкви.
Цѣна 50 коп.

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА ДЛЯ НАРОДА.

Отдѣлъ первый: Календарь Православной Церкви. *Отдѣлъ второй:* Исторія всемірная и русская. *Отдѣлъ третій:* Географія всеобщая и русская. *Отдѣлъ четвертый:* Миръ Божій.

Цѣна 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 70 к.

Въ отдѣльных оттискахъ имѣется только I отдѣлъ «Календарь Православной церкви». Ц. 60 к., въ папкѣ 70 к.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ ВЪ РОМАНАХЪ И ПОВѢСТЯХЪ.

Послѣдовательная хрестоматія.

Книга первая—Отъ Смутнаго времени до Петра Великаго. Ц. 40 к. (въ папкѣ 50 к.).

Книга вторая—Время Петра Великаго. Ц. 35 к.

ЛИСТКИ:

1) Мининъ и князь Пожарскій. 2) Знаменитый полководецъ свѣтлѣйшій князь Александръ Васильевичъ Суворовъ. 3) Механикъ-самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ. Цѣна листку 1 коп.

Назначеніе женщины по ученію слова Божія. Ц. 15 к.

Какъ во Франціи крестьяне сдѣлались состоятельными. Ц. 5 к.

Книги эти продаются въ складѣ Постоянной Коммисіи народныхъ чтеній, въ С.-Петербургѣ—Лиговская ул., д. № 19, и въ книжныхъ магазинахъ:

Въ Спбурѣ—Спб. Мастерской учебныхъ пособій и игръ, Русскомъ книжномъ магазинѣ Морева, Карбасникова, Луковникова, Стасюлевича, Тузова, Калмыковой и Н. Мартынова, Москвѣ—Думнова, «Сотрудникъ школъ» Тихомирова, Карбасникова, Сытина и К^о и Панафидина, Варшавѣ—Карбасникова, Вильнѣ—Карбасникова и Сыркина, Екатеринбургѣ—Блохиной, Кіевѣ—И. А. Розова, Казани—Дубровина (Гостиный дворъ) и Башмакова, Новочеркасскѣ—Поповой, Пензѣ—Алексѣева, Перми—Петровской, Томскѣ—Макушина.

Книжные магазины и склады при выпискѣ изданій изъ Коммисіи на наличныя деньги пользуются уступкою 30%, за исключеніемъ „Житій святыхъ“, „Сборниковъ стихотвореній“, „Настольной книги для народа“, и „Русской исторіи въ романахъ и повѣстяхъ“, съ которыхъ скидки 20%. Расходъ по пересылкѣ изданій покупателямъ, не пользующимся скидкой, принимается на счетъ Коммисіи.

На комиссію изданія не отпускаются.

Изданія, выписываемыя изъ склада Коммисіи въ большомъ количествѣ, высылаются исключительно чрезъ Контору Компаніи „Надежда“

2007341300